

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-197-216

© М. Л. Спивак

**ЗАПИСИ А. А. БЛОКА 1921 ГОДА
ОБ «АЛКОНОСТЕ» И «ЗАКРЫТИИ ВСЕХ ЧАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ»:
ПРИЧУДЫ ТЕКСТОЛОГИИ, КОНТЕКСТ, ПРАГМАТИКА***

Магия архивной папки

2 февраля 1921 года А. А. Блок в дневнике очень резко отозвался о планах советской власти ликвидировать все частные издательства и объединить все издательское дело в руках государства (эта запись из-за антигосударственной направленности при публикации дневников до сих пор всегда изымалась¹). На следующей странице дневника Блок дал высокую характеристику издательству «Алконост» и объяснил, почему писатели-символисты, чуткие к «духу времени», предпочитают печататься именно в «Алконосте» (эта запись воспроизводилась во всех изданиях дневников² и даже стала ошибочно называться «декларацией издательства „Алконост“»³).

Первая запись заняла всю страницу целиком. Вторая — только часть страницы (низ листа Блок оставил незаполненным) (ил. 1). По тому, как расположены строки на страницах дневника, трудно понять, является запись об «Алконосте» продолжением записи о закрытии частных издательств или отдельным, следующим высказыванием. Зато пустой низ страницы внятно указывает на то, что высказывание об «Алконосте» закончено — следующая запись начинается опять-таки с новой страницы.⁴

Приведем этот текст по верхнему слою правки:

<p><...> Закрытием всех частных издательств и «объединением» издательского дела в государственном был бы сделан еще один шаг к опрощению жизни, к обеднению ее и к уничтожению последних остатков культуры.</p> <p>Закрытие лавок и рынков уже привело к тому, что люди всех специальностей тратят массу рабочего времени на хождение пешком с Петербургской стороны на Миллионную и стояние в очередях в «объединенных» лавках. Новый опыт с издательствами долженствует очевидно сделать все человеческие мысли и мечты похожими одна на другую, чтобы вслед за тем объеди-</p>	<p>Издательство «Алконост» не стесняет себя рамками литературных направлений. Тот факт, что вокруг него соединилась группа писателей, примыкающих к символизму, объясняется, по нашему убеждению, лишь тем, что именно эти писатели оказались по преимуществу носителями духа времени.</p> <p>Группа писателей, соединившаяся в «Алконосте», проникнута тревогой перед развертывающимися мировыми событиями, наступление которых она чувствовала и предсказывала; и потому — она обращена лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему, но — к будущему.</p>
---	---

* Выражаю глубокую благодарность за неоценимую текстологическую помощь и консультации М. М. Павловой и А. Л. Соболеву, за помощь в написании статьи А. В. Геворкян и В. А. Резвому.

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 39 об. — 40. Впервые в составе дневников ее планирует воспроизвести в готовящемся томе двадцатитомного Полного собрания сочинений А. А. Блока.

² См., например: Блок А. 1) Дневник: В 2 т. / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. Т. 2. 1917–1921. С. 214; 2) Собр. соч.: В 12 т. Л., 1936. Т. 8. С. 247 (прим. на с. 272); 3) Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. Автобиография, Дневники / [Подг. текста и прим. В. Н. Орлова]. С. 402–403 (прим. на с. 516); 4) Дневник / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 333 (прим. на с. 426).

³ Ср. примечание В. Н. Орлова в 8-томном собрании сочинений Блока: «Набросок декларации издательства „Алконост“, очевидно предназначенной для печати» (Т. 7. С. 516). Название «Декларация издательства „Алконост“» фигурирует в описи фонда Блока и на обложке архивной папки (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 12). Очевидно, что в 1921 году составлять декларацию издательства, организованного в 1918 году, было, мягко говоря, неуместно.

⁴ Со следующей страницы начинаются заметки о Пушкине, легшие в основу речи Блока «О назначении поэта».

<p>нить их одной газетной передовицей и превратить диких лебедей в общую домашнюю общипанную курицу.</p> <p>Своя провинция — посмотришь, вечерком Он чувствует себя здесь маленьким царьком,</p> <p>полагая, что эта партия людей может устроить разрушенную страну. Это в то время, когда особенно чувств<уются> слова Гейне: индивид<уальный> дух исчез, возник дух всеобщий. Это в то время, как в Европе неудержимо растет общественная жизнь с бесконечно усложненными и небывальными формами, и интернационализм дает себя чувствовать конкретно на каждом шагу, в смешении языков разных наций, в воздушных сообщениях между столицами и т. д.</p> <p>К счастью, мечты и мысли у человека устроены гораздо разнообразнее, чем желудок и ноги, а потому опривинциализуются с большим трудом, а у некоторых даже вовсе не поддаются опривинциализации.</p>	<p>Этим определяется лицо Издательства и его название.</p>
---	--

Вскоре Блок обе эти страницы переписал. В беловом автографе⁵ пассаж о закрытии частных издательств также занял целую страницу, а пассаж об «Алконосте» — лишь часть страницы.

В конце белового автографа заметки об «Алконосте» появилось важное «наращение»: «Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое оно носит». Есть еще два существенных добавления, и они бросаются в глаза: под записью о закрытии частных издательств Блок поставил свою подпись, тем самым внятно ее завершив (ил. 2). А у заметки об «Алконосте» в новом варианте появилось заглавие «Издательство „Алконост“», но оно вписано рукой С. М. Алянского, владельца издательства и близкого друга Блока (ил. 3).

Эти две вполне орнаментальные добавки (заглавие перед одной записью и подпись после другой) были, очевидно, восприняты при обработке фонда Блока в Рукописном отделе ИРЛИ как маркеры начала и конца единого текста, открывающегося пассажем об «Алконосте», продолжающегося (несмотря на оставленную пустой половину страницы) рассуждениями о частных издательствах и завершающегося подписью автора. Следуя этой сомнительной логике, листы с автографами пронумеровали (пагинация не блокковская) и сложили в архивную папку в порядке, обратном тому, что была в дневнике.

В итоге получилось, что Блок сначала объяснил причины сотрудничества символистов с чутким к «духу времени» «Алконостом» (Л. 1):

«Издательство „Алконост“»

Издательство „Алконост“ не стесняет себя рамками литературных направлений. Тот факт, что вокруг него соединились писатели, примыкающие к символизму, объясняется лишь тем, что именно эти писатели по преимуществу оказались носителями духа времени. Группа символистов видит размеры разворачивающихся мировых событий, наступление которых они предчувствовали и предсказывали. Поэтому они обращены лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему. Они с тревогой всматриваются в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое оно носит».⁶

⁵ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 12.

⁶ Там же. Л. 1.

А потом (оставив треть страницы пустой) разразился негодованием по поводу закрытия частных издательств (на следующем листе — Л. 2), которые, к слову сказать, на рубеже 1920 и 1921 годов вовсе не были закрыты:

«Закрытие всех частных издательств и „объединение“ издательского дела в государственном было бы новым шагом к опрощению жизни, к уничтожению остатков культуры. Наблюдения над жизнью, чтение книг — приучили нас понимать, что нищета уродлива.⁷ Новый опыт с издательствами долженствует, очевидно, сделать все человеческие мысли и мечты нищими, подстриженными, похожими одна на другую, чтобы вслед затем объединить их одной газетной передовицей; превратить лебедей в единую курицу:

Своя провинция, посмотришь — вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком,

и полагает, что усилия отдельных людей могут устроить разрушенную жизнь. Это — в то время, когда особенно чувствуются слова Гейне: „индивидуальный дух исчез, возник дух всеобщий“. В то время, когда в Европе неудержимо растет общественная жизнь, ее формы бесконечно усложняются, интернационализм дает о себе знать на каждом шагу — в смешении языков разных наций; в воздушных сообщениях, и т. д.

К счастью, мечта и мысль человека устроены разнообразнее, чем желудок и ноги; у некоторых они даже вовсе не поддаются опрощению.

Александр Блок».⁸

Думается, что сотрудник Рукописного отдела, обрабатывавший материал, не знал о черновом автографе в дневнике поэта. Однако именно принятое при формировании единицы хранения решение оказало определяющее влияние на последующую интерпретацию записей: на первый план выдвинулось «Издательство „Алконост“» и личный, биографический контекст, связанный с публикацией в «Алконосте» книг Блока.

Впервые эти записи по беловому автографу (т. е. в порядке, определенном сотрудником, описывавшим фонд) напечатал в 1964 году И. А. Чернов в составе основополагающей статьи «А. Блок и книгоиздательство „Алконост“».⁹

Он назвал этот материал запиской (или заметкой) об «Алконосте»¹⁰ и предложил считать ключом к пониманию всего комплекса рассуждений Блока историю злоключений третьего тома его стихотворений, дивящуюся с 1918 года: «Издание

⁷ Далее вычеркнуто предложение: «Закрытие лавок уже привело к тому, что люди всех специальностей тратят рабочее время, силы и подметки на хождение с Большого проспекта на Миллионную и стояние в очереди перед „объединенной“ лавкой».

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. 1]. С. 532, под заглавием, вписанным С. М. Алянским: «Издательство „Алконост“». Опубликовано по «Блоковскому сборнику» С. С. Лесневским в подборке материалов к 100-летию поэта: Литературная газета. 1991. 28 нояб. № 48. С. 7; по беловому автографу — в книге Е. В. Ивановой «Александр Блок: Последние годы жизни» (СПб., 2012. С. 378). Фрагмент о закрытии частных издательств с названием «Из рукописи А. Блока „Издательство „Алконост“» по «Литературной газете» включен в учебное пособие для студентов-книговедов: Андреева О. В. История книги. Хрестоматия. М., 1997. Ч. 2. С. 45–46.

¹⁰ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 531. Чернов пользовался не рукописью дневников Блока, а изданием 1928 года, содержащим купюры (в нем была воспроизведена только запись об «Алконосте»), и потому не знал, что черновой автограф записи о закрытии частных издательств так же, как и записи об «Алконосте», находится в дневнике, и пришел к следующему неверному выводу: «Первоначальный набросок заметки сделан А. Блоком в дневнике от 2 февраля 1921 года. Этот же текст воспроизводится в т. 8 Собрания сочинений А. Блока. Позднее Блок переработал его в большую заметку, сохранившуюся в рукописи <...>. Она значительно полнее, чем запись в дневнике» (Там же. С. 532). То есть, согласно Чернову, Блок запись о закрытии частных издательств не переписал из дневника, а сочинил позднее, дополнив и продолжив ею дневниковую запись об «Алконосте».

сочинений Ал. Блока в четырех томах было предпринято Алексеем Ивановичем Имнайшвили, владельцем книгоиздательства „Земля“ в 1918 году. Об этом свидетельствует договор от 14 (1) июня 1918 г., подписанный Ал. Блоком и А. И. Имнайшвили. Однако позднее меньшевик Имнайшвили был арестован и издание приостановилось. К этому времени было уже выпущено три книги: „Стихотворения“, кн. I, II и Ал. Блок, „Театр“. Блок обратился к Имнайшвили с просьбой уступить издание третьего тома „Алконосту“. Письмом от 18.IX.1919 г. Имнайшвили сообщил о своем согласии выполнить эту просьбу. <...> Но почему-то III том в „Алконосте“ в 1919 г. не вышел. И дело началось снова, когда руководитель Петроградского Отделения Государственного издательства И. И. Ионов случайно нашел готовый к печати набор III тома. Он отдал распоряжение печатать его под маркой Госиздата. Блок воспротивился...».¹¹

На январь и февраль 1921 года действительно пришлось обострение конфликта поэта с Ионовым (напомним, что обе заметки были написаны 2 февраля), угрожавшим, в частности, рассыпать набор книги Блока (третьего тома стихотворений), если тот откажется печатать ее под маркой Госиздата. Так, 15 января Блок направляет «Заявление» в Редакционную коллегию Петроградского отделения Госиздата с изложением истории вопроса и своих требований. Копию посылает наркому просвещения А. В. Луначарскому, сопроводив «Заявление» запиской с жалобой на «слишком большое варварство в поступке Иопова» и просьбой «оказать некоторое давление на Иопова, который продолжает преследовать „Алконост“ решительно по каждому поводу».¹² 5 февраля Ионов извещает Блока о том, что Редакционная коллегия, несмотря на его просьбу, постановила все же опубликовать третий том стихотворений в Госиздате, а не в «Алконосте».¹³ Блок опять не соглашается и 7 февраля снова пишет Ионову:

«В ответ на Ваше письмо от 5 февраля за № 338 сообщаю:

Государственное Издательство, насколько мне известно, издает преимущественно партийные и политические книги, вследствие чего партийная и политическая окраска сообщается и всем его изданиям; я же не принадлежу ни к какой партии, и стихи мои не служат политике; потому я не хотел бы издавать их в Государственном Издательстве, о чем уже сообщал устно г. Белопольскому и в заявлении от 15 января.

Прошу Петроградское Отделение Государственного Издательства разрешить мне выпустить III том моих стихотворений в издательстве „Алконост“, наиболее близком по духу к символической школе, к которой я всегда принадлежал».¹⁴

В конце концов Луначарский, по-видимому, смог «оказать некоторое давление на Иопова» (его подчиненного), и Блок с Алянским победили. Книга вышла в «Алконосте»,¹⁵ а Ионову пришлось не только отказаться от своих притязаний, но и извиниться перед Блоком.¹⁶

По Чернову, «главный тезис второй части заметки», посвященной закрытию частных издательств, — «борьба с вульгаризаторскими перегибами отдельных работников книгоиздательского дела на местах, в частности, — И. Иопова».¹⁷ Такая трактовка

¹¹ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533–534.

¹² Динерштейн Е. А. Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6. С. 248–250.

¹³ См. публикацию и анализ этих материалов в статье Чернова: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 534–535.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 4–4 об. Белопольский Иосиф (Осип) Романович (1879–1956) — издатель, сотрудник Наркомпроса и Госиздата. Упомянутый телефонный разговор состоялся 9 января 1921 года (Блок А. Дневник. М., 1989. С. 327).

¹⁵ Блок А. Стихотворения. Книга третья: 1906–1916. 3-е изд., доп. Пб.: Алконост, 1921.

¹⁶ См. его письмо Блоку от 23 апреля 1921 года (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 12–12 об.; опубл.: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 535), а также запись в дневнике от 25 мая 1921 года: «Моя переписка с Ионовым, окончившаяся его покаянием в апреле» (Блок А. Дневник. М., 1989. С. 347).

¹⁷ Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533.

(сквозь призму проблем с «Алконостом») стала общепринятой в современном литературоведении.¹⁸

Действительно, намек на Ионова можно увидеть в процитированных Блоком строках из монолога Чацкого: «Своя провинция, посмотришь — вечерком / Он чувствует себя здесь маленьким царьком».¹⁹ Но в целом же содержание записи о закрытии частных издательств гораздо шире этого пусть и очень важного для Блока, но все же локального конфликта: «Алконост» в ней ни разу не упоминается.

Если сложить два листа автографа в одну архивную папку не составило большого труда, то объединить две заметки на разные темы (одна — об «Алконосте», другая — о закрытии частных издательств) в единый текст оказалось сложнее. Практически все, кто этими записями Блока занимался, наткнувшись на «сопротивление материала» и пытались возникшую проблему хоть как-то обозначить. Так, Чернов пишет о двух частях одной заметки. Е. В. Иванова указывает на ее «очевидную смысловую разнородность».²⁰ Даже сотрудник Рукописного отдела, породивший, на наш взгляд, эту путаницу, вынес на обложку архивной папки «сложносочиненное» заглавие: «Декларация издательства „Алконост“ и других частных издательств».²¹

Интерпретация Чернова и его последователей не только не объясняет в полной мере этих записей (особенно — записи о закрытии частных издательств), но и не отвечает на вопрос об их назначении: ведь для чего-то Блок переписал две страницы из дневника, авторизовал одну из них и передал Алянскому, добавившему на другой странице заглавие «Издательство „Алконост“».²²

Как кажется, чтобы приблизиться к пониманию смысла и прагматики беловых автографов Блока, надо для начала преодолеть магию архивной папки, объединившей два высказывания в одно, и рассмотреть их как вполне автономные тексты, хоть и связанные между собой «духом времени» и одним днем создания.

Остановимся прежде всего на записи о закрытии частных издательств (все же отношение Блока к Алянскому и его книжному предприятию достаточно хорошо изучено²³). Без контекста понять ее трудно, но только использовать мы будем не личный,

¹⁸ См., например: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 376–379. Эта же версия Чернова легла в основу комментария А. Л. Гришунина, подготовленного для 20-томного Полного собрания сочинений Блока (машинопись; хранится в ИМЛИ РАН — Отдел русской литературы конца XIX — начала XX века).

¹⁹ См. об этом: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 379.

²⁰ *Чернов И. А.* А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533; *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 378.

²¹ Ошибка в датировке, допущенная на обложке архивной папки и в описи фонда («1919?»), Черновым при публикации исправлена.

²² Если следовать логике Чернова, то это могли быть черновики писем, которые Блок планировал отправить в высокие инстанции, чтобы обуздать аппетиты Ионова и доказать необходимость выпуска своей книги в «Алконосте». Но адресаты этих писем решительно не просматриваются. Вряд ли Блок мог так писать в Госиздат или Наркомпрос, Ионову или Луначарскому, да и чего он мог такими письмами добиться, ведь никакой конкретики и никаких требований в них нет. Предположения о том, что это заготовки для будущей статьи, возможно, в «Записки мечтателей», тоже кажутся не вполне убедительными (см.: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 378). Вряд ли панегирик «Алконосту» мог появиться на страницах журнала, «Алконостом» же и выпускаемого. Еще менее вероятна была вообще публикация такого резкого выпада Блока против государственной политики национализации. Но главное — обе записи выглядят как законченные реплики, причем и содержательно, и по формальным признакам: в одном случае это подчеркивается оставшейся чистой частью страницы, во втором — подписью, закрывающей тему.

²³ Помимо упомянутых выше работ см.: *Белов С. В.* Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4. С. 713–725; *Глейзер М. М.* Издательство «Алконост», 1918–1923. СПб., 2015; *Спивак М. Л.* 1) Издательство «Алконост»: к вопросу о традициях символистского книгоиздания // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика. Литературная критика». 2008. № 11/08. С. 132–137; 2) «Вы сами не знали, какое имя дали издательству...»: К вопросу об интерпретации названия издательства «Алконост» (С. М. Алянский, Ю. А. Анненков, А. А. Блок и другие) // Эпоха символизма: встреча литературы и искусства / Сост. И. Е. Светлов, М. А. Ариас-Вихиль, К. Л. Лукичева. М., 2016. С. 478–499; *Таран Е. Г.* Вокруг «Алконоста». М., 2011;

биографический контекст, предложенный Черновым (борьба с Ионовым), а контекст более широкий, общественно-политический, связанный с положением частных издательств на рубеже 1920–1921 годов. Ситуация в книгоиздательском деле в первые годы советской власти детально описана в специальных работах.²⁴ Наша задача — показать, что Блок был хорошо осведомлен о проблемах частных издательств и что анализируемая заметка эти проблемы отражает.

«Результаты, недостижимые для Госиздата»

Частные издательства на протяжении всего послереволюционного периода и вплоть до их окончательного закрытия в конце 1920-х годов испытывали огромные трудности как экономического характера (нехватка бумаги, типографских мощностей и пр.), так и политического (цензура, разного рода запретительные документы и соглашения). Однако их терпели, так как только они хоть в какой-то степени, но могли утолить тот «книжный голод», который охватил страну. К тому же созданное при Наркомпросе в мае 1919 года Государственное издательство РСФСР (Госиздат) оказалось крайне неэффективным. Госиздат в идее своей был призван руководить всем книжным производством и в перспективе «огосударствить» все издательское дело, вытеснив из него частные предприятия. В. В. Воровский, первый руководитель Госиздата,²⁵ относился к частным предприятиям более чем толерантно, и в этом с ним был солидарен нарком просвещения А. В. Луначарский. «Мне кажется, что сейчас отнюдь не своевременно закрывать последние большие книгоиздательства. Если тяжелое время в смысле бумажного и типографского кризиса продолжится, то, я думаю, мы ничего не выиграем от умерщвления частной инициативы, которая хотя как-нибудь умеет бороться с тяжелым временем и все-таки больше помогает, чем вредит работе Государственного Издательства», — писал он Воровскому 24 февраля 1920 года.²⁶

Летом 1920 года руководство Госиздата сменилось и политика по отношению к частным издательствам в очередной раз ужесточилась, но проявилось это больше в цугающей словесной риторике, чем в каких-то реальных действиях. С точки зрения законодательной, в конце 1920 и в начале 1921 года ничего не произошло. Постановления и декреты, регулирующие деятельность частных издательств и их отношения с Госиздатом, появятся только во второй половине 1921 года²⁷ и будут означать наступление НЭПа (Новой экономической политики) в книжном бизнесе, т. е., наоборот, позволяя частным издательствам вздохнуть чуть более свободно. Однако именно на рубеже 1920–1921 годов и книгоиздателей, и — шире — писательское сообщество, научное сообщество, да и всю читающую публику охватила паника. И на то были серьезные основания.

Федотова С. В. «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С. М. Алянского к Л. Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 109–151.

²⁴ См.: *Динерштейн Е. А.* Положившие первый камень: Госиздат и его руководители. М., 1972; *Блюм А. В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994; *Свиценская М. К.* Кооперативное книгоиздание 1917–1930 гг.: основные этапы государственной политики // Книга: исследования и материалы. М., 1996. Кн. 72. С. 101–128; *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998; *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001, и многие др.

²⁵ «Положение о Государств<енном> Изд<ательст>ве опубликовано было 21 мая 1919 г., а 5-го июня состоялось первое заседание предусмотренной этим положением Редакционной Коллегии Государств<енного> Изд<ательст>ва. <...> Председателем коллегии и заведующим Гос<ударственного> Издательства был со дня его основания т. В. В. Воровский» (Государственное издательство. Отчет о деятельности на 1-е декабря 1920 г. М., 1920. С. 10; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Отчет, с указанием номера страницы).

²⁶ История книги в СССР, 1917–1921: [В 3 т.]. [М.], 1985. Т. 2. С. 111.

²⁷ Постановление Коллегии Народного комиссариата по просвещению о частных издательствах выйдет 18 августа 1921 года; Декрет Совета народных комиссаров «О частных издательствах» — 12 декабря 1921 года.

На конец 1920 года пришлось подготовка VIII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов РСФСР (состоялся в Москве 22–29 декабря). К этому важному событию была выпущена брошюра о деятельности «Государственного издательства за полтора года его существования», которая «определялась требованиями пролетарской диктатуры в обстановке все более обостряющегося бумажного голода и развала полиграфической промышленности» (Отчет, с. 3). Успехов, о которых можно было бы победно рапортовать Съезду, явно не хватало, а потому Госиздат публично откестился от прежнего либерального руководства («Организация начала строиться в сущности только с лета текущего года» — Отчет, с. 7), а львиную долю собственных неудач свалил не только на экономическую разруху, но на активно и продуктивно работающие частные издательства: «Одним из тяжелых вопросов, который пришлось решать Госиздату, был вопрос о частных книгоиздательских фирмах» (Отчет, с. 6).

Далее конкретизировалась вина «частников». Прежде всего, они издавали не совсем то, чего ждала от них советская власть: «Выступая за сохранение частных фирм, исходили из предположения, что они проявят особую инициативу, привлекут свежие литературные силы и помогут созданию общеобразовательной и научной литературы. Это предположение не оправдалось. Большинство частных фирм некоторое время существовало преимущественно переизданием старых работ <...>» (Отчет, с. 6).

Но, паразитируя на прежнем ассортименте, частные издательства, по мнению Госиздата, паразитировали еще и на государственном бюджете, мошеннически на нем наживались: «Госиздат отпускал бумагу по твердым ценам, давал наряд на типографии, выплачивал аванс, а потом, когда книга была готова, Центропечатъ разом покупала издание, надбавляя к „себестоимости“ 35%, — на содержание особого, частного издательского аппарата» (Отчет, с. 6).

«Пользуясь 35% надбавкой к заготовительной стоимости книг», частные издательства поставили своих авторов и сотрудников в лучшее с финансовой точки зрения положение, чем мог позволить себе Госиздат: «...более года, до конца лета 1920 г. работники Госиздата не получали никакого пайка и голодали в буквальном смысле этого слова. <...> В то же время частные фирмы, пользуясь 35% надбавкой к заготовительной стоимости книг, могли очень далеко идти в своих „организационных“ расходах: они платили авторам гонорары, в $1\frac{1}{5}$ — 2 и больше раз превышающие установленные Госиздатом, назначали техникам, корректорам, машинистам и т. п. вознаграждение, оставляющее далеко позади ставки всех профессиональных союзов, иногда, кроме того, доставляли некоторое довольствие натурой типографским рабочим» (Отчет, с. 7).

Все эти обвинения вскоре были разоблачены как ложь и напраслина, но именно ими в «Отчете...» Съезду объяснялось то, что частные издательства «получали результаты, недостижимые для Госиздата»: «...такими способами они <...> дезорганизовали все издательское дело и осуждали государственный издательский аппарат на жалкое прозябание» (Отчет, с. 7). В «Отчете...» подчеркивалось, что «такая практика не имеет никакого оправдания» и заставляет «Госиздат решительнее поставить вопрос о частных издательствах» (Отчет, с. 7, 8).

Стыдливо отметив, что «принципам советского строя соответствует признание права на свободное издание всяких произведений, если только в них нет ничего, противоречащего требованиям самообороны рабоче-крестьянской России», Госиздат тем не менее признал, что «в настоящее время необходимость самой суровой экономии бумаги и типографских средств заставляет идти в этой области на большие ограничения» (Отчет, с. 6). Суть этих «ограничений» была очерчена: «Госиздат не может предоставлять типографские средства и бумагу на перепечатку художественных произведений, которые и до революции имели ограниченное значение; на переиздание учебных руководств, которые Наркомпрос не признает необходимыми; на издание научных и философских работ, которые дышат буржуазной ограниченностью и к тому же по своему общему характеру найдут крайне малочисленных читателей» (Отчет, с. 6).

При уже давно национализированных типографиях и изъятой в собственность государства бумаге это грозило частному книгоизданию неминуемой гибелью.

«К чему нам выращивать такие цветки?»

Следом за «Отчетом...», предназначенным прежде всего делегатам VIII Съезда Советов, в журнале «Книга и революция», выпускавшемся Петроградским отделением Госиздата, появилась статья И. Степанова «Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия».²⁸ Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870–1928; настоящая фамилия Скворцов, литературный псевдоним И. Степанов), профессиональный революционер, партийный и государственный деятель весьма широкого профиля, к концу 1920 года стал заместителем Председателя Центральной редакционной комиссии Госиздата.²⁹ Его статья фактически играла роль манифеста обновленного Госиздата. И есть все основания полагать, что Блок был знаком с публикацией Степанова, так как журнал «Книга и революция» за 1920–1921 годы (в том числе и интересующий нас декабрьский номер) имелся в его библиотеке.³⁰

Остановимся прежде всего на тех рассуждениях Степанова, которые могли задеть Блока и косвенно отразиться на его заметке о закрытии частных издательств. А задеть Блока в этой статье могло многое.

Стиль статьи был нарочито эпатажным, даже хамским, о чем читатель открыто предупреждался: «Я преднамеренно пишу топорно, может быть, даже грубо. С одной стороны, я очень грубый, упрощенный коммунист, и нахожу, что диктатура пролетариата и любезный, приветливый либерализм — две вещи несовместимые. А, с другой стороны, мне хочется, чтобы читатели почувствовали всю нелепость положения, в котором находится у нас книгоиздательское дело. Само собой разумеется, моя статья может идти только в дискуссионном порядке. Я не сомневаюсь, что и многие коммунисты, блюстители широкой свободы идейного творчества, борцы против угрожающего нам варварства и т. д., обрушат на меня свое либеральное негодование. Но, с моей точки зрения, это будет куда лучше, чем та нудная канитель, в которой мне, с короткими светлыми передышками, — то командировка на фронт, то болезнь, — приходится участвовать уже полтора года. Что тут поделаешь! Приходится творить так много несуразного, что перерыв даже по болезни кажется светлой передышкой» (с. 4–5).³¹

Представившись читателю «грубым, упрощенным коммунистом», Степанов так же грубо и упрощенно предлагает взглянуть на ситуацию с частными издательствами,

²⁸ Книга и революция. 1921. № 6. С. 4–9. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы. См. анализ политической ситуации, сложившейся в это время вокруг частных издательств, и публикаций в журнале «Книга и революция», являвшемся «рупором Госиздата»: *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники»... С. 62–71 (гл. «Тупик революционной юстиции»).

²⁹ «Положение коренным образом изменилось летом 1920 года <...>. Попытка такой реорганизации сделана была в конце июня с назначением редакционной коллегии в составе тт. М. Н. Покровского, Е. А. Преображенского и И. И. Скворцова и с одновременным назначением единоличным заведующим административно-технической частью Гос<ударственного> Изд<ательств>ва т. С. М. Закса-Гладнева <...>. Ввиду командировки т. И. И. Скворцова на польский фронт, в редак<ционную> колл<егию> Гос<ударственного> Изд<ательств>ва введен был т. Н. М. Мещеряков, который оставлен был там и после возвращения т. Скворцова с фронта. <...> В состав распорядит. комиссии в настоящее время входят: члены редакционной коллегии Гос<ударственного> Изд<ательств>ва т. И. И. Скворцов и т. Н. Л. Мещеряков и замест<итель> завед<ующего> адм<инистративно>-тех<ической> частью т. Д. Л. Вейс. В настоящее время председателем Центральной Редакционной Коллегии избран т. Н. Л. Мещеряков, а заместителем его т. И. И. Скворцов» (Отчет, с. 11).

³⁰ Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984–1986. Кн. 3. С. 275 (№ 2640). У Блока были полные комплекты за 1920 и 1921 годы.

³¹ Декабрьский номер вышел 30 января 1921 года (см. график выхода номеров на обложке журнала № 1 (13) за 1921 год).

т. е. как на любые другие капиталистические предприятия, давно советской властью разоренные и национализированные: «Задачи Госиздата, как они определяются декретом 19 мая 1919 г., таковы, что для литературного производства он должен был бы сделаться тем, чем ВСНХ является для промышленного производства. Но как все ясно, просто, отчетливо при построении широкого государственного промышленно-производственного аппарата, и как все запутывают, едва дело коснется литературно-производственного аппарата» (с. 4). Или: «Пока дело идет о промышленном производстве, все признают, что даже современное положение с топливом, с сырым материалом и т. д. вынуждает нас к строжайшему общегосударственному учету и к строжайшему общегосударственному регулированию производства. Мы не можем производить духи, когда у нас нет бельевого мыла, не можем производить торты и пирожное, когда нет вдоволь картошки и хлеба, и не можем затрачивать валюту на выписку какой-нибудь солиднейшей капиталистической фирмой устриц из-за границы. Но попробуйте хотя слегка применить эти рассуждения к литературной области, — и вы безвозвратно погибли. На вас градом посыплются негодующие, сострадательные, благородные, либеральные, продиктованные сознанием собственного неизмеримого умственного превосходства фразы, где будет все: „идеи — не вакса“, и „сам Маркс“, и „мы быстро идем к полному безграмотству“, и „мы, убивая творчество, подрубаем сук, на котором сидим сами“, и „к вам не пойдут авторы, которые будут работать с частными предпринимателями“, и т. д., и т. д., — без конца, но с одинаковым жаром, с одинаковой культурностью, способной погрузить в смертельную тоску» (с. 4).

Доводя свою идею до логического конца и предельного упрощения, а также в очевидно провокационных целях Степанов сравнивает книгоиздание с производством ваксы и недоумевает, почему отношение к частным издательствам должно отличаться от отношения к фабрике ваксы и ее продукции: «Когда речь идет о национализации фабрики ваксы, предприниматели нигде в наших кругах не найдут благосклонного уха и сочувственного внимания. Пусть они бегают и распинаются, уверяя, что в мире нет лучше продукта, чем выпускаемый ими: глянец, блеск, устойчивость, высокие смягчительные свойства ставят его вне конкуренции, а грубая национализация понизит ваксу их фабрики до уровня жалкой посредственности. Ни один коммунист не станет вздыхать вместе с ними, либерально соглашаясь, что национализация, мол, точно, иногда действует, как оглобля, уничтожающая и вырывающая многое ценное» (с. 4).

Степанов показно сокрушается, что ему не позволяют отнестись таким же образом к частным издательствам и выпускаемым ими книгам: «Проклятие Госиздата в том, что он производит не ваксу, не бутылки, не самовары, а, так сказать, материализует идеи или, если угодно, размножает идеи, уже материализованные автором. Ну, а где коснется идей, нельзя не сделаться удрученным либералом, который столь широк, столь далек от убивающей живую жизнь коммунистической узости, что не может не поскорбеть вместе с обиженным капиталистическим издателем: ведь это делает таким интересным, широким, культурным и так возвышает над грубой коммунистической толпой» (с. 4).

Именно против такого «упрощения» духовной жизни и ее «опровинциализания» Блок и возражал в своей заметке.

Еще в большей степени поэта могло возмутить то, что вину за нерешительность и медлительность действий Госиздата Степанов возложил на так называемых либералов, определявших до настоящего времени культурную политику: «С либерализмом в издательском деле пока ничего не поделаешь. В ВСНХ мы держим курс на крупную национализированную промышленность, Наркомзему приходится считаться с середняком, а вот Госиздат иногда заставляют держать курс и на капиталиста, причем не всегда разберешь, солидный ли это капиталист, или кулак, или подрядчик, нашедший в поставках на социалистическое государство чрезвычайно благоприятные условия для первоначального накопления» (с. 4). Или: «Нас заставляют исходить из предположения, что частные издательства, действуя тоньше, вызовут к жизни инертные литературные силы. Нас заставляют бережно относиться к этим издательствам и содействовать сохранению их аппарата, т. е. снова и снова их субсидировать и авансировать.

И с умильной откровенностью признают, что некоторые из составных частей этого аппарата с нами работать не будут» (с. 6).

Враги-либералы, покровительствующие издателям-частникам и связывающие руки Госиздату, как можно понять из статьи, засели непосредственно в самом государственном управленческом аппарате или же оказывают на власть давление. Думается, что Степанов здесь целил не только и не столько в В. В. Воровского, но прежде всего в главу Наркомпроса А. В. Луначарского, а также и в А. М. Горького. Несомненно, Блоку эти прозрачные намеки были понятны, ведь заступничеством Луначарского и Горького он активно пользовался при любых проблемах, связанных с выпуском его книг в «Алконосте», в том числе при конфликте с председателем Петроградского отделения Госиздата Ионовым.³²

Для Степанова, растолковывающего новую политику Госиздата, и книгоиздатели, и их сотрудники, и, главное, их авторы — это не производители духовных ценностей, а обычные жуликоватые подрядчики, плохо выполняющие госзаказ, но стремящиеся урвать повышенное финансирование из бюджета страны. «Некоторые из них, — возмущался Степанов, — повышают существующие ставки в полтора, два, даже три раза и, насколько можно раскрыть эту сторону дела, ни одно не „унижается“ до установленных ставок» (с. 5). Более того, частные фирмы и их авторы, согласно Степанову, не скупящемуся на резкие определения, — это и старьевщики (потому что переиздают залежалый товар),³³ и прямые саботажники (потому что отказываются сотрудничать с Госиздатом): «Получается прямо позорное положение. Мы сумели сломать саботаж спецев <так!> в промышленности. <...> Однако, здесь мы не либеральничали, не боялись быть грубыми. Тех, кто не хотел работать с Советской властью, мы хладнокровно лишали продовольственного пайка. А тем, кто срабатывался с нами, охотно повышали ставки, идя в этом направлении очень и очень далеко. В издательском деле мы терпим постыдное положение; мы допускаем премии как раз для тех, кто поворачивается к нам спиной, кто стал на почву очень дешевой оппозиции: я не унижусь до работы с вами, но я буду получать чрезвычайные гонорары *из средств Советской России*» (с. 5). И далее: «В других областях мы выкуривали саботажников, а тут создаем для них теплые уголки на государственный счет» (с. 6).

Действительно, частные издательства привлекали писателей не только умением работать с авторами, не только культурой издания книги, но не в последнюю очередь и повышенными гонорарами. В красочном портрете писателей-саботажников трудно было не узнать и авторов «Алконоста». Лично к Блоку, отказывающемуся печататься под маркой Госиздата, нелестные характеристики Степанова также вполне подходили.

Однако еще в большей степени Блока могли насторожить и даже испугать конкретные примеры критикуемых в статье частных издательств. Рассуждая о неудачном дореволюционном предпринимательстве, Степанов в качестве примера привел издательства, имевшие «дело с новыми исканиями» и работавшие «не для удовлетворения уже существующих потребностей, а для создания новых», на продукцию которых «был нулевой спрос» (с. 6): «Этим новаторам приходилось искать покровительства богатого человека, если только их „искания“ с самого начала не были причудой тоскующего купеческого сынка. Появлялись удивительные по роскоши издания с тиражом в сотню-другую экземпляров. Издатель не столько продавал, сколько дарил эти

³² См. об этом: *Чернов И. А.* Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 533–537; *Динерштейн Е. А.* Луначарский, Блок и «Алконост». С. 248–250; *Белов С. В.* Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост»). С. 716–718.

³³ См.: «Еще при романовском режиме они успели выпустить ряд полезных оригинальных и переведенных работ по всеобщей истории, истории рабочего движения, социализма, иногда по естествознанию и т. д. Они и теперь хотят получать проценты — и очень высокие — на капитал, представляемый этими изданиями. Их поощряют по тем соображениям, будто бы только они сумеют привлечь высоко квалифицированные силы и обогатить литературу новыми ценными произведениями. <...> Что касается теперешней деятельности солидных фирм, то на 90, если не на 99 % она является деятельностью старьевщиков» (с. 5).

издания. Над ними смеялись. И сам издатель смотрел на это дело, как на потеху. Пусть себе кувыркаются и вносят новую усладу в богатое существование! Шло время, тот или иной новатор, главной своей задачей поставивший оригинальничанье, находил некий круг то ли почитателей, то ли людей, которые привыкли находить у него забаву для себя, и тогда капитал на общих капиталистических основаниях издавал этого автора» (с. 6–7).

Под эту уничижительную характеристику вполне попадали финансируемые купцами и промышленниками «Скорпион» с «Весами», «Золотое руно», «Сирин» да и другие издательства московских и петербургских символистов. Продолжал их традиции и С. М. Алянский в издательстве «Алконост».

Но главным объектом нападок Степанова стали не старые, а новые мощные издательства, способные составить конкуренцию Госиздату: «...какие-то силы, стоящие вне контроля Госиздата, выдвигают новые предприятия, над которыми приходится ломать голову: в чем разум их существования? Что они представляют: капиталистические ли предприятия, развертывающиеся в условиях, превращающих капиталистический разум во всяческое безумие, или, действительно, колоссальные подрядные фирмы, претендующие занять положение второго Госиздата?» (с. 7).

Степанов был возмущен как «громоздком» требующих финансирования планов («Затеваются бесконечные серии из десятков и сотен книг по десяткам листов в каждой. Быстро раздаются заказы. И, само собой разумеется, всякая книжка признается на редкость талантливой и восполняющей зияющий пробел в нашей литературе...» — с. 9), так и буржуазными специалистами, ставшими из-за материальной нужды «литературными работниками» в таких фирмах: «Большинство из них приветствовало бы всякую реставрацию. Большинство из них только под давлением прямого голода снизошло бы до работы в советских учреждениях. <...> Состав редакционных коллегий — почти сплошь люди, далекие от пролетарской диктатуры России или даже затаенно враждебные ей, не новые, а очень старые, — старые и затхлые люди, — хотя бы по годам они были очень молоды. Как могут дать они книги, действительно необходимые для новой России?» (с. 8).

Все эти описания указывали прежде всего на одно узнаваемое издательство — на организованное Горьким издательство «Всемирная литература», с которым Блок в то время не просто сотрудничал, как с «Алконостом», но в котором с 1919 года состоял на службе.³⁴

Строго говоря, «Всемирную литературу» нельзя было назвать ни частным издательством, ни кооперативным;³⁵ оно было создано в 1918 году при Наркомпросе, но имело большую автономию, своих авторов и редакторов, свою полиграфическую базу, а также — свои гигантские издательские программы, больше всего Степанова и возмущавшие. Не называя поначалу самого издательства (название появится лишь в последнем абзаце статьи), Степанов пересказал и частично переписал (даже заключив цитаты в кавычки) широко рекламируемую программу «Всемирной литературы», сопроводив ее издевательскими комментариями: «...при Госиздате развертывается колоссальное, еще невиданное в России предприятие, которое „ставит своей задачей дать в переводе на русский язык все наиболее выдающиеся произведения мировой художественной литературы, начиная с конца XVIII века и до наших дней“. Общее количество книг этой библиотеки — „около 1500 томов. Средний размер тома — око-

³⁴ См. записи Блока 1919–1921 годов о посещении заседаний во «Всемирной литературе» и работе, которую он делал для издательства, в «Записных книжках», а также: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 282–292 (гл. «Издательство „Всемирная литература“ и „интеллектуальный роман“ с М. Горьким»).

³⁵ *Шомакова И. А.* Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918–1924) // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 175–193; *Хлебников Л. М.* Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // Лит. наследство. 1971. Т. 80. Ленин и Луначарский. Переписка, доклады, документы. С. 668–703; *Ариас-Вихиль М. А., Полонский В. В.* История издательства «Всемирная литература» в документах: финансовый аспект (1918–1921 гг.) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 374–393.

ло 20 печатных листов (320 стр.)³⁶. В общем это составит 3000 печатных листов, или 480 000, т. е. почти как раз полмиллиона страниц!

Кроме этой „основной“ библиотеки издается еще „народная библиотека“, имеющая целью познакомить читателя „с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей — залогом грядущего интернационала“. Эта библиотека, залог либерального интернационала, должна составить 2500 томов, но зато размер каждого тома всего до 4 печатных листов. В общей сложности это даст 10 000 печатных листов, или 160 000 страниц, а с основной библиотекой составит 4000 печатных листов, — 640 000 страниц.³⁶ Наконец-то, русский пролетарий будет насыщен — до тошноты.

К его великому несчастью, его, пожалуй, с самого начала стошнит. Удивительный художник Мопассан, — он выше Чехова, насколько французская буржуазная культура выше русской. Но неужели издатели серьезно думают, что современный русский рабочий ни в чем так не нуждается, как в „Милый друг“ или „Сильна, как смерть“? Или в романах Вальтера Скотта? Или в великом таланте, но и в великой мелкобуржуазной размазне Диккенса? Или для рабочего предназначается „народная библиотека“? Но и там подбор, сделанный людьми, которые живут в прошлом и прошлом. И не пора ли нам хотя бы в области художественной литературы покончить с классовым разделением?» (с. 9).

Приведенные в статье примеры и выкладки, естественно, служат «доводом в пользу быстреего сокращения частных издательств» (с. 6), а также кооперативных издательств и вообще всех издательских инициатив, стоящих «в стороне от Госиздата» и делающих «невозможным регулирование книжного производства» (с. 9). Прежде всего это касалось «Всемирной литературы», которая в конце концов и будет Госиздатом поглощена. «К чему нам выращивать такие цветки?» (с. 7) — гневно вопрошает Степанов. А потом еще раз повторяет вопрос, его конкретизируя: «Нужны ли нам подрядные предприятия, фактически выходящие из-под всякого контроля» (с. 9). Ответ напрашивался сам собой: частные издательства не нужны, либеральная политика по отношению к ним отменяется, Госиздат в деле производства книжной продукции должен обладать полной и безусловной монополией.

А. А. Блок, С. М. Алянский и пропавшая анкета П. Витязева

Отчетный доклад Госиздата, напечатанный к VIII Съезду Советов, и статья Степанова в журнале «Книга и революция», развивающая тезисы доклада, вызвали бурную реакцию в издательских, читательских и писательских кругах. И Блок, несомненно, знал о начавшемся общественном брожении.

Так, с декларацией против закрытия частных издательств выступила собравшаяся по этому поводу Первая конференция московских кооперативных издательств (9 декабря). Ее примеру последовал Всероссийский профессиональный союз писателей (17 декабря), членом которого был Блок. Не осталось в стороне и его Петроградское отделение. 8 декабря Правление Петроградского отделения Всероссийского союза писателей (куда Блок был выбран 10 октября³⁷) поручило П. К. Губеру, работавшему, как и Блок, во «Всемирной литературе», и А. Н. Тихонову, заместителю Горького по руководству издательством, написать ходатайство в Совнарком об улучшении правового и материального положения писателей. 17 декабря было принято решение дополнить представленную декларацию «тезисами о свободе печати». 21 декабря «обсуждается и утверждается окончательный текст декларации. Ее подписывают М. Горький, А. Вольнский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский, Н. Волковьский» и др. Все «подписанты» — коллеги Блока по Союзу, «Всемирной

³⁶ Текст (фактически — рекламный проспект), рассказывающий о планах издательства, размещался на обложках первых выпущенных книг. См., например, брошюру «Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева» (Пб.: Всемирная литература, 1919).

³⁷ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 504.

литературе», Дому литераторов и другим культурным начинаниям. И наконец, с протестными открытыми письмами к VIII Съезду Советов отдельно обратились такие мэтры, как П. А. Кропоткин (23 декабря) и Горький (22 декабря),³⁸ с которым Блок в то время тесно общался по делам «Всемирной литературы».

То, что Блок был в курсе происходящего, подтверждается не только его знакомством с большинством участников протеста, но прежде всего его непосредственным присутствием на тех заседаниях, на которых Петроградская декларация обсуждалась и принималась. Это видно при сравнении «Записной книжки» Блока (в ней отмечены места, которые он посещал) с датами заседаний Петроградского Союза писателей, на которых принималась декларация:

А. А. Блок. «Записная книжка» № 61 ³⁹	Петроградское отделение Союза писателей ⁴⁰
8 декабря. На Моховой — заседание с Горьким Союзом писателей. А Горький-то и не пришел.	8 декабря — решено обратиться с соответствующей декларацией; составление текста поручается П. Губеру и А. Тихонову.
17 декабря. Правление Союза писателей. Присутствие Горького <...>.	17 декабря — оглашается текст декларации; решено: дополнить ее тезисами о свободе печати.
21 декабря. «Всемирная литература».	21 декабря — обсуждается и утверждается окончательный текст. Декларацию подписывают М. Горький, А. Волынский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский <...>.

Подводя промежуточный, предварительный итог сказанному, можно утверждать, что написанная в феврале 1921 года заметка Блока о губительных для культуры последствиях политики Госиздата в отношении частных издательств была инспирирована не столько личным конфликтом с Ионовым и проблемами «Алконоста», как считалось ранее, а «Отчетом...» Госиздата VIII Съезду Советов, статьей Степанова в журнале «Книга и революция», также реакцией на эти публикации культурного сообщества. Впрочем, если учесть, что Ионов в Петрограде и был полномочным представителем «большого» Госиздата, то и борьбу Блока с ним за право издать свои стихи не под маркой Госиздата, а в символистском, близком по духу «Алконосте» можно рассматривать как часть более масштабного противостояния писателей и частных издателей той власти, которая стремилась их «огосударствить», т. е. «сделать все человеческие мысли и мечты нищими, подстриженными, похожими одна на другую, чтобы вослед затем объединить их одной газетной передовицей» и в итоге «превратить лебедей в единую курицу».

Думается, что в подтексте слов Блока о том, что «в Европе неудержимо растет общественная жизнь, ее формы бесконечно усложняются, интернационализм дает о себе знать на каждом шагу — в смешении языков разных наций», может лежать высмеянная Степановым программа «Всемирной литературы»: «Пользуясь художественной литературой как могучим средством культурного воздействия и международного единения народная библиотека имеет целью познакомить читателя с наиболее интересными особенностями исторических судеб, культуры, быта и психики европейских наций, а главное — с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей — залогом грядущего Интернационала».⁴¹

³⁸ Подробнее см.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 675–677, 684–686.

³⁹ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 509–510.

⁴⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 675.

⁴¹ См. прим. 36.

А также мысли Горького, изложенные им во вступительной статье к каталогу издательства: «Область литературного творчества — Интернационал духа, и в наши дни, когда идея братства народов, идея социального Интернационала превращается, по-видимому, в действительность, в необходимость, — в наши дни обязательно приложить все усилия для того, чтобы усвоение спасительной идеи всечеловеческого братства развивалось возможно быстро, проникая в глубины разума и воли масс». ⁴² Или: «Всемирной, единой литературы нет, потому что нет еще языка единого для всех, — но все литературное творчество, в прозе и стихах, насыщено единством общечеловеческих чувств, мыслей, идей, единством священного стремления человека к счастью свободы духа, единством отвращения к несчастьям жизни, единством надежд на возможность лучших форм бытия <...>. В конце концов, все люди, на всех языках говорят всегда об одном и том же — о себе и о судьбе своей. Везде одинаковы люди грубых инстинктов, — бесконечно разнообразен только мир интеллекта». ⁴³

И несомненно, с работой Блока во «Всемирной литературе» по подготовке к изданию семитомного собрания сочинений Г. Гейне связана приведенная в заметке цитата из его «Романтической школы»: «индивидуальный дух исчез, возник дух всеобщий». ⁴⁴

Вместе с тем общего политического контекста явно недостаточно для того, чтобы объяснить жанр и, главное, назначение заметки: для чего она все-таки была написана, переписана и подписана Блоком? Пролить свет на эту загадку помогает история публикации знаменитой брошюры П. Витязева «Частные издательства в Советской России» (Пг., 1921).

П. Витязев (наст. имя Ферапонт Иванович Седенко; 1886–1938), известный библиограф, руководивший издательским товариществом «Колос» и возглавлявший тогда Петроградский союз кооперативных издательств, стал настоящим координатором протестного движения в Петрограде. ⁴⁵ Его книга, отпечатанная в обход всех цензурных разрешений на правах рукописи, ⁴⁶ задумывалась как консолидированный ответ всего книгоиздательского сообщества на «Отчет...» Госиздата и статью Степанова, как аргументированный отпор власти, объявившей этому сообществу войну.

«Борьба ведется слишком неравная. У наших противников вся полнота власти, в их руках вся повременная и периодическая печать. Все попытки автора выступить легально в „дискуссионном порядке“ не дали никаких положительных результатов. И для него осталось только один старый и уже не раз испытанный путь — прибегнуть к помощи „вольного печатного станка“, — объяснял Витязев свою позицию во вступлении.

В этой пафосной преамбуле важно указание на неудавшиеся «попытки автора выступить легально в „дискуссионном порядке“». ⁴⁷ В конце книги Витязев опять-таки заявляет о недопустимости отдать решение вопроса о судьбе частных и кооперативных издательств «в руки Госиздата» и о необходимости вынести его на широкое обсуждение: «Мы не знаем еще, каково будет решение Советской Власти по этому вопросу. Но мы протестуем против того, что этот столь важный для Советской России вопрос разрешается без надлежащего освещения его в печати, без какого бы то ни было обсуждения

⁴² Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению / Вступ. статья М. Горького. Пб.: Всемирная литература, 1919. С. 9.

⁴³ Там же. С. 5–7.

⁴⁴ Цитируется перевод П. О. Морозова, сделанный по заказу Блока для «Всемирной литературы». Редактура «Романтической школы» Г. Гейне велась с лета 1920 года (см.: Блок А. Записные книжки. 1901–1920. С. 496 — см. запись от 19 июля и далее, записи от 22 августа, 24, 26, 27 ноября, 9, 11 декабря 1920 года) вплоть до начала 1921 года (см. запись в дневнике от 24 января 1921 года: «Редакция „Романтической школы“ (последнее чтение)» — Блок А. Собр. соч. Т. 7. С. 400).

⁴⁵ *Батюто* С. А. П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921): К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 3 (59). С. 28–41.

⁴⁶ Книга вышла весной 1921 года, скорее всего — в мае. Датировка Витязева в конце книги — «январь 1921 г.» — не может быть верной; в лучшем случае это начало работы, но не конец, так как Витязев активно полемизирует со статьей И. Степанова о частных издательствах из журнала «Книга и революция» (№ 6), напечатанной 30 января (см. прим. 31).

⁴⁷ *Витязев П.* Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 2.

в широких партийных кругах, без участия целого ряда таких центральных органов, как: ВЦСПС, ВСНХ, ЦК РКП и в особенности без участия Наркомпроса, который более всего ответственен за судьбы русской литературы, русской науки и русской культуры».⁴⁸

Как показал С. А. Батюто, биограф Витязева,⁴⁹ в процессе работы над книгой он составил специальную анкету для известных деятелей отечественной культуры и науки, предполагая выступить широким фронтом против губительной для частных издательств инициативы Госиздата. Текст анкеты или пока не обнаружен, или не уцелел, что, учитывая трагическую судьбу Витязева, не удивительно. Однако в его архиве в РГАЛИ сохранились и были опубликованы в 1990 году три ответа на утерянную анкету.⁵⁰

Выявленными респондентами Витязева оказались знаменитости: философ Э. Л. Радлов, социолог П. А. Сорокин и лауреат Нобелевской премии физиолог И. П. Павлов. По их ответам легко реконструируется основной вопрос анкеты, а в «шапке» ответа Павлова, как кажется, просто повторяется формулировка Витязева: ученый отвечает «на вопрос о своевременности и уместности вообще уничтожения частного издательства и замене его государственным». Радлов, Сорокин и Павлов едины в отношении к планам Госиздата. Однако для нас важно несомненное сходство заметки Блока о закрытии частных издательств с тремя сохранившимися ответами на анкету Витязева.

И. П. Павлов отмечает, что «именно теперь, во время страшного книжного голода», прекратить содействие частным издательствам «вполне нецелесообразно». Однако и в будущем, «и вообще всегда, при нормальном положении вещей» это будет недопустимым решением, преступлением против свободы творчества. Как и Блок, Павлов подчеркивает, что «сосредоточить в сухо официальных, все шаблонирующих, все мертвящих руках государственного чиновничества», облечь «в обязательные формы печати» «свободное по существу, щепетильное, животрепещущее дело облекания знаний, мыслей и чувствований человеческих» — «это плохо думать о высшей стороне человеческой природы и желать подавить и задавить ее».⁵¹

Э. Л. Радлов сравнивает государство с «великим Левиафаном», готовым «подавить всякую свободу граждан, подчинив детальной регламентации духовную и материальную жизнь». Он подчеркивает, что «особенно пагубно всякое принуждение в области духовной, ибо наука и литература только и могут жить в условиях свободы», и приходит к выводу, перекликающемуся с заметкой Блока: «Так как непогрешимостью обладает один лишь папа, а ангельской нравственностью — никто, то ломка жизни во имя идеи государства-левиафана ничем не может быть оправдана. <...> Объединение всякого издательства в руках государства, т. е. лиц, защищающих идею государства-левиафана, есть введение цензуры на произведения человеческого духа; такая цензура может вести лишь к фальсификации науки и литературы».⁵²

П. А. Сорокин более подробно, чем другие, описал пагубные последствия планов Госиздата: «...еще большее падение издательского дела и дальнейшее увеличение книжного кризиса, ибо на место уничтоженных издательств не будет создано ничего, что бы заменяло эту потерю (словесные обещания любителей «социализации» в счет не идут)»; «...дальнейшее подавление научного творчества и распространения его результатов, ибо при ликвидации частных издательств не могут быть опубликованы и те работы, которые до сих пор издавались благодаря им; рост „религиозной ортодоксии и догматизма“ (хотя бы и коммунистического) за счет науки, ибо наука без свободы мысли, критики и борьбы мнений существовать не может, а государственные монополизаторы (будьте покойны!) издавать работы, противоречащие их догме

⁴⁸ Там же. С. 55.

⁴⁹ См.: Батюто С. А. Феррапонт Иванович Седенко (Витязев) (1886–1938): штрихи к биографии известного революционера, исследователя, библиографа, библиофила и издателя // Петербургская библиотечная школа. 2017. № 1 (57). С. 82–93.

⁵⁰ Батюто С. А. 1) Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина // Русская литература. 1990. № 3. С. 165–167; 2) П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921). С. 29 и далее.

⁵¹ Батюто С. А. Неизвестные автографы И. П. Павлова, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина. С. 165.

⁵² Там же.

и почему-либо им неугодные, не будут». В итоге, по прогнозу Сорокина, «все будет зависеть от „инквизиторов“ государства», чиновник станет «„живым носителем“, „наместником“ научности и истинности. Его мнение — законом. Научная оценка заменится решением комиссара печати. Критика — доносом. <...> „Катехизис“ Филарета, хотя бы в виде „Азбуки коммунизма“, займет место науки, вера и догма — место опыта и наблюдения, невежество — место просвещения и т. д.».⁵³

Практика современного Госиздата приближает, по мнению Сорокина, этот мрачный прогноз: «Усилилось ли издательское дело со времени национализации? Не издает ли весь аппарат Государственного издательства меньше книг, чем издавало их раньше одно частное издательство, например, Сытина? А какова научная ценность издаваемых книг? <...> Большинство изданных до сих пор научных работ принадлежит „Чичиковым от науки“». А «окончательная ликвидация частных издательств — только дальнейший шаг по тому же направлению».⁵⁴

Примечательно, что начало этого пространного эссе Сорокина практически дословно повторяется в первых строках заметки Блока:

П. А. Сорокин	А. А. Блок
«Закрытие частных книгоиздательств и окончательное огосударствление их, с моей точки зрения, будет иметь совершенно определенные последствия и для науки, и для искусства, и для всей общественной жизни». ⁵⁵	«Закрытие всех частных издательств и „объединение“ издательского дела в государственном было бы новым шагом к опрощению жизни, к уничтожению остатков культуры».

И это, как кажется, не оставляет сомнений в том, что Блок и Сорокин, а также Радлов и Павлов отвечали на один и тот же вопрос анкеты Витязева — «на вопрос о своевременности и уместности вообще уничтожения частного издательства и замене его государственным». Кстати, ответы Павлова и Радлова датированы 9 февраля, а ответ Блока (черновой) — 2 февраля,⁵⁶ что косвенно также подтверждает связь этих ответов⁵⁷ и указывает на то время, когда Витязев собирался «выступить легально в „дискуссионном порядке“». Впрочем, весьма резкий характер сохранившихся ответов вряд ли допускал возможность их публикации в советской печати.

* * *

Итак, если рассмотреть заметку Блока о частных издательствах и политике Госиздата как отдельный текст, то становится понятен и ее жанр, и ее прагматика — это ответ на анкету Витязева. Тогда и появление подписи вполне естественно: логично авторизовать свой ответ.

Однако такая трактовка заметки порождает целую серию новых загадок. Прежде всего — как анкета попала к Блоку и как ответ Блока попал (или не попал?) к Витязеву? Каких-либо сведений о контактах поэта и библиографа нам обнаружить не удалось. Однако с большой степенью уверенности можно предположить, что посредником между ними выступал Алянский, связанный с Витязевым профессиональной деятельностью, в том числе по отстаиванию интересов частных издательств.⁵⁸ Они, несомненно,

⁵³ Там же. С. 165–166.

⁵⁴ Там же. С. 166.

⁵⁵ Там же. С. 165.

⁵⁶ Ответ П. А. Сорокина не датирован.

⁵⁷ На содержательную связь опубликованного С. А. Батюто ответа И. П. Павлова на анкету Витязева с «одной из последних, предсмертных статей А. А. Блока, посвященной издательству „Алконост“, обратил внимание А. В. Блюм. Он пользовался публикацией С. С. Лесневского в «Литературной газете». См.: Блюм А. В. За кулисами «министерства правды». С. 75–76.

⁵⁸ Посредником между Блоком и Витязевым мог быть и Иванов-Разумник, печатавшийся в издательстве «Колос», дружески с Витязевым общавшийся и часто переписывающийся. Ср.:

контактировали в период написания Витязевым книги о частных издательствах, ведь в ней содержатся такие сведения о деятельности «Алконоста», которые могли быть получены только из первых рук, от самого издателя.

Витязев, например, очень подробно рассказывает о достижениях «Алконоста»: называет и общее число напечатанных книг — 28, и — чтобы опровергнуть обвинения Степанова в паразитировании на переизданиях — подчеркивает, что перепечаток было всего две. Он дает практически полный перечень выпущенных книг Блока, Андрея Белого, Вяч. И. Иванова, К. А. Эрберга, Иванова-Разумника и других авторов, показывая — в открытой полемике с Госиздатом — «подлинную цену литературного портфеля „Алконоста“»: «Из всех перечисленных изданий „Алконоста“ каждому ясно, какими тесными узами он связан с современной нам литературой. И надо иметь „слишком упрощенную“ логику, которая свойственна руководителям Госиздата, чтобы доказывать, что здесь нет „свежих литературных сил“ и что „Алконост“ не сумел „обогатить“ литературу новыми свежими произведениями» и т. д., и т. д. Впрочем, эта логика нужна Госиздату только тогда, когда идет вопрос о ненавистных ему частных издательствах. На деле же он отлично знает подлинную цену литературного портфеля „Алконоста“». ⁵⁹

Если эти сведения еще могли быть получены из «открытых источников», то информация о внутренней «кухне» издательства, о препятствиях, которые чинила власть «Алконосту», и о том, как эти препятствия преодолевались, — совершенно уникальна. Так, Витязев очень подробно информирует читателя о «тех мытарствах, которые испытал „Алконост“» ⁶⁰ в 1919 году, когда комиссар Петрогиза М. И. Лисовский «запретил этому издательству печатать целых 6 книг», и о том, каким образом (с помощью заступничества Луначарского и Горького) «удалось, наконец, снять запрет с этих книг»: «„Алконосту“ пришлось снарядить для того, чтобы продолжать свою издательскую деятельность, целую депутацию к Комиссару Народного Просвещения т. А. В. Луначарскому, куда вошли: Андрей Белый, Вячеслав Иванов и руководитель „Алконоста“ т. С. М. Алянский. Пришлось просить Максима Горького оказать свое содействие (или, вернее, «воздействие» на Лисовского)». ⁶¹

Указывает Витязев и на то, что у «Алконоста» «еще сравнительно недавно (в 1920 году) вышли трения и тормозы с выпуском книги стихов А. Блока „Седое утро“» ⁶² (иных источников, указывающих на проблемы с получением разрешения на издание «Седого утра», вообще нет). ⁶³ Пишет Витязев и про «попытки Госиздата захватить у „Алконоста“ 3-й том собрания стихотворений А. Блока, вопреки воле самого автора», ⁶⁴ т. е. про самый последний, на тот момент еще не преодоленный конфликт «Алконоста» с Ионовым.

Столь глубокие познания Витязева о тех трудностях, с которыми сталкивался «Алконост» на протяжении всего периода своего существования, могли быть получены только непосредственно от Алянского, из его рассказов и предоставленных им документов. А если Алянский в то время тесно общался и с Витязевым, и с Блоком, то именно через Алянского Блоку могла быть передана анкета Витязева о «закрытии всех частных издательств и „объединении“ издательского дела в государственном».

«В 1919–1926 гг. Витязев-Седенко стоял во главе книгоиздательства „Колос“, в котором издавались и мои книги; по этим издательским делам мне приходилось встречаться с ним часто» (*Иванов-Разумник. Писательские судьбы // Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремные и ссылки / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2000. С. 51, см. также — С. 447, прим. 59).*

⁵⁹ Витязев П. Частные издательства в Советской России. С. 5.

⁶⁰ Там же. С. 20.

⁶¹ Там же. Витязев первым напечатал это письмо Горького Лисовскому (от 9 июля 1919 года) в защиту «Алконоста» (С. 20–21). По автографу из Архива Горького (ИМЛИ РАН) оно было опубликовано только в 2007 году. См.: *Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2007. Т. 13. Письма: Июнь 1919–1921. С. 15–16, 309–310 (прим.).*

⁶² Витязев П. Частные издательства в Советской России. С. 21.

⁶³ В поздних мемуарах Алянский о проблемах не упоминает, а только указывает на помощь К. А. Федина в получении разрешения на издание. См.: *Алянский С. М. Первая встреча // Творчество Константина Федина. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография / Изд. подг. И. С. Зильберштейн. М., 1966. С. 439–441.*

⁶⁴ Витязев П. Частные издательства в Советской России. С. 5.

Вместо послесловия

Впрочем, много вопросов, связанных с записями Блока от 2 февраля 1921 года, остается и, скорее всего, останется без ответа.

Неизвестно, в какой форме анкета Витязева поступила к Блоку: в письменной или устной (Алянский мог прочитать ее по телефону или пересказать при встрече). И неизвестно, дошел до Витязева ответ Блока на анкету или задержался у Алянского, сохранившего автографы поэта и передавшего их потом в архив Блока.⁶⁵ Самый острый нерешенный вопрос — назначение заметки Блока об издательстве «Алконост» и связь двух текстов между собой: ведь обе заметки написаны в один день и обе прошли через руки Алянского (ко второй заметке он, напомним, приписал заглавие). Можно с большой осторожностью сделать лишь некоторые предположения на этот счет.

Если считать доказанной связь заметки о закрытии частных издательств — через посредничество Алянского — с анкетой Витязева, то логично предположить также и связь заметки об издательстве «Алконост» с попытками Витязева собрать мнения общественно-значимых фигур о деструктивной политике Госиздата, притесняющего частные издательства. Ведь эту заметку Блока можно прочитать не как «декларацию издательства „Алконост“», а как мотивированное объяснение того, почему поэт А. А. Блок и его единомышленники-символисты хотят печататься под маркой «Алконоста» и не хотят — под маркой Госиздата, т. е. как ответ на упрек писателям, содержащийся в статье Степанова из журнала «Книга и революция». Подробно рассматривает это обвинение Госиздата и Витязев. И здесь обращает на себя внимание созвучность заметки Блока этому лейтмотиву брошюры Витязева «Частные издательства в Советской России».

Витязев доказывает, что «если многие писатели и авторы не шли в Госиздат, то вопрос здесь вовсе не в гонорах. Это слишком упрощенное и грубое решение данного вопроса». Для этого, по мнению Витязева, есть другая и «наиболее важная причина» — именно та, на которую указывает и Блок: «Дело в том, что каждое частное, а в особенности общественное издательство в процессе своей работы неизбежно создает вокруг себя определенное литературное наслоение, своеобразное ядро, которое состоит из ряда писателей, органически связанных с самим издательством. У таких писателей рождается особая, чисто-психологическая связь с издательством. Они смотрят на него, как на свое родное, близкое им дело. <...> Не надо еще забывать, что тот круг писателей, который постепенно отлагается около тех или иных издательств, и создает собой литературное направление, превращая эти издательства в особую литературную или культурную индивидуальность. Для писателей этого „круга“ само издательство есть как бы знамя. И не надо искать никаких объяснений, чтобы понять, почему эти писатели предпочитают печататься в своем издательстве, чем идти в Госиздат, который обезличивает собой все литературные направления, всякую писательскую индивидуальность».⁶⁶

Витязев настойчиво подчеркивает, насколько ценна для культуры «индивидуальная литературная окраска каждого издательства» и насколько велик будет ущерб культуре от закрытия частных издательств: «Прежде всего при „вливании“ этих издательств в Госиздат безнадежно погибнет *индивидуальная литературная окраска* каждого издательства. Она обезличится, растворится, рассеется среди разных Отделов и Коллегий Госиздата. Все те литературные направления и течения, которые олицетворялись тем или иным издательством, будут этим самым вычеркнуты из русской литературы. Мало того, целый ряд писателей, литераторов сознательно <...> не будет работать в Госиздате и, следовательно, они также исчезнут для русской литературы».⁶⁷

Именно эту «окраску», объединившую вокруг «Алконоста» писателей символистской ориентации, и описывает в своей заметке Блок.

Наконец, Витязев пытается найти истинную причину стремления Госиздата закрыть частные издательства: «Казалось бы, что еще нужно Государственной Власти от

⁶⁵ Не ясно, передал он автографы вдове поэта Л. Д. Блок или непосредственно в ИРЛИ РАН.

⁶⁶ Там же. С. 31–32.

⁶⁷ Там же. С. 43.

общественных издательств? И само издание, и цену на него оно утверждает. Весь тираж издания берет полностью для своих же нужд. Но оказывается, что всего этого мало для Госиздата: он все-таки хочет их национализировать. В чем же тайна такой политики Госиздата?»⁶⁸ И приходит к выводу, что причина «сводится исключительно к той марке, которая ставится на книгах, выпускаемых общественными и частными издательствами»: «Оказывается, что Госиздат не может смотреть равнодушно на те книги, где стоят, например, пометки: издание „Алконост“, „Бывое“, „Колос“, „Задруга“, „Книгоиздательство писателей“, „Наука и Школа“ и т. д. И вот только ради этого „столь важного“ и „серьезного“ мотива Госиздат идет на национализацию всех издательств, на их полное уничтожение. Мы спрашиваем теперь — достойна ли, допустима ли для Государственной Власти такая постановка вопроса? Вся Советская Республика переживает сейчас небывалый книжный голод. А Госиздат только в это же самое время ради только одной марки готов „сорвать“ работу всех частных и общественных издательств и этим *уменьшить* количество книг, издающихся в Республике. Ясно, что политика Госиздата не является „государственной“, ибо для каждой разумной Государственной Власти важно получить в этот трагический момент как можно скорее книгу, а не заниматься „глубокомысленным“ вопросом — какая марка стоит на ее обложке».⁶⁹

Но ведь именно за право поставить марку «Алконоста», а не Госиздата на третьем томе стихов Блока бились в то время Алянский и Блок с руководителем Петроградского Госиздата Ионовым. Думается, что применительно к этой заметке выявленный Черновым биографический контекст совершенно верен. Однако не исключено, что к написанию и этой заметки прямо или косвенно также причастен Витязев. Его рассуждения об издательствах, ставших «знаменем» определенных литературных направлений, выглядят как обобщение взгляда ряда авторов на эту проблему, в том числе и позиции Блока, объяснившего, почему вокруг «Алконоста» «соединилась группа писателей, примыкающих к символизму». Быть может, и эта заметка была написана по просьбе Алянского для передачи Витязеву, чтобы тот мог использовать или учитывать мнение символиста Блока в общей борьбе за права частных издательств.

⁶⁸ Там же. С. 46.

⁶⁹ Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-216-227

«НЕ СТАРАЙСЯ ИЗОБРАЖАТЬ САШУ ИКОНОПИСНО»: ПИСЬМО Г. П. БЛОКА К С. Н. ТУТОЛМИНОЙ (1946)

(ПУБЛИКАЦИЯ © С. А. ИПАТОВОЙ)

В архиве Пушкинского Дома хранится невыявленное ранее письмо Георгия Петровича Блока (1888–1962), прозаика, переводчика, издателя, родственника известного поэта, адресованное его двоюродной сестре Софье Николаевне Тутолминой (урожд. Качалова, в первом браке Хрущева; 1880–1967) и имеющее непосредственное отношение к их общему кузену поэту Александру Блоку, с которым оба были близки, хотя и по-разному; общались и состояли в переписке. В 1924 году появились воспоминания Г. П. Блока о брате, озаглавленные «Герои „Возмездия“».¹ В 1936 году Тутолмина опубликовала небольшие «Мои воспоминания об Александре Блоке», повествующие, главным образом, о раннем периоде общения А. Блока с родственниками отца, семьей Качаловых.²

¹ См.: Блок Г. Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. № 3. С. 172–186.

² См.: Тутолмина С. Мои воспоминания об Александре Блоке // Литературный современник. 1936. № 9. С. 186–190.